

Прямо сейчас вы не сможете прочитать книгу, о которой речь пойдет ниже. Я прочитал её одним из первых, ещё до начала продаж. Могу сказать, что она замечательна и уровнем языка, и той свободной художественностью, которая составляет основной смысл литературы. Мои размышления — не об этом. Предлагаю услышать о мировоззрении "Возвращения", о дидактическом послании Тарковского, о его проповеди и борьбе с тем, что сам он называет "поддельной литературой". Автор и издательство "Вече" считают, что этот материал может предвредить вашу встречу с книгой.

В ГРАНИЦАХ романа Михаила Тарковского "Возвращение" находится эпос. Его содержание — противостояние подлинного и мнимого: в мужчинах, а также в женщинах — особенно, в литературе и связанных с ней процессах, в российской истории и современности. Это первое, что я считаю нужным сказать о прочитанной книге.

Да и роман ли написал Тарковский? Автор не спешит сопровождать свой текст удобным жанровым знаком. И не стал ли сегодня роман товаром, позволяющим издательствам-монополистам рекламировать толстые книжки для склонного к релаксации массового читателя? Мы привыкли, что роман — это очень серьезно и ответственно, что роман — это поступок, а не проект. Так ли это в наши дни?

Разве проза Евгения Водолазкина и Алексея Варламова, напоминающая доверчивым умам "большую литературу", не является дидактическим проектом по усмирению слишком масштабных желаний русского человека? Неужели настолько ренессансен Виктор Пелевин, что в своих "буддийских" текстах свободен от глобалистского поклонения Цифре, от борьбы с христианством и "русским апокалиптическим алгоритмом"? Действительно ли в "Ледяной тетради" Андрей Рубанов сочиняет очередной гимн Аввакуму, или просто растворяет русского героя в унылой болтовне, напоминающей усилия плохо настроенной нейросети?

Не меньше тридцати пяти лет в отечественной словесности идёт программное вытеснение национального эпоса, его форматирование под реакции очередной версии "маленького человека". Ради свободы и независимости? Для подлинного исцеления от разных тоталитарных вирусов? С целью выхода на торжествующую романность, которая благословила наш XIX век? Или просто случайно?

Нет! За пропагандистской кампанией по "отмене" русской культуры — не реакция на СВО, а приближение гибели самой России. Ведь она не согласна с агрессивной утопией безбрежной и, разумеется, мнимой "амбивалентности".

Кстати, в этом несогласии всё ещё теплится наша народность — совершенно органичная, естественная, а не рождённая в профильных министерствах. Здесь нет интеллигентской сложности, чиновничьего пафоса или грамотного мышления "среднего класса". Есть простая уверенность в том, что Запад — коллективная сволочь, и в состоянии войны — он с нами всегда, и надо его ставить на место, чтобы — при безусловном наличии своих грехов и болезней — не заразиться той уже последней бесчеловечностью, которая опаснее всех отечественных революций и перестроек.

Конечно, эта уверенность — не без гротеска и свободно, без видимых противоречий сочетается с увлеченностью западными достижениями и завышенностью от них, но когда на передний план выходит вопрос о мировоззрении, о забвении простого опыта и традиций, тут лица Америки и Европы превращаются в нашем восприятии в дьявольские рожи, и нет больше световых мостов для их бесконфликтного движения к нам.

Это и есть несложная платформа русского эпоса. Впрочем, меня занесло на поля внешние, где сугубы растоптаны конями и танками. А начинается эпос — в сердце, когда появляется христианское вопрошание о соединении любви к врагам с необходимостью быть врага рода человеческого и всегда искать свой крест так, чтобы это был крест, а не значок перекарченного себялюбия.

Читатели "Возвращения" смогут упрекнуть критика в заданном эпическом накручивании простой семейной истории.

Далёкий от молодости Игорь Михайлович Бахметьев (разными деталями биографии совпадающий с автором) много лет назад оставил Москву ради Колымы, именно там сделал свою жизнь, совмещая северную работу с писательским трудом. Он бы и остался вне столичной жизни до конца, но есть минимум три сюжета, заставляющие думать о возвращении в Москву. Там — стремительно стареющая мать Вера Степановна в окружении не самых благополучных сестры и брата героя. Туда, к гламурным огням, очень хочет переселиться жена героя Катя. В Москве гораздо больше шансов иначе организовать жизнь своей прозы и поэзии.

Главная интрига книги может быть обнаружена в вопросе: ис-

тинное возвращение — это из Магадана в многомиллионный город детства или совсем наоборот и уже по-настоящему — из столичной пустоты в сибирскую Россию?

Две главные темы занимали меня при чтении тарковского эпоса: состояние современной русской литературы и кризис русской женщины.

АЛЕКСЕЙ Евгеньевич Сумнин — новейшая русская литература в её рекламном и премиальном торжестве: собирательный образ превращения словесности в парад искусственных, приспособленных под облегчённого читателя инициатив. Водолазкин ("Лавр" в книге Тарковского предаётся грони тесному поруганию), Варламов (Сумнин-писатель стал ректором) и даже Прилепин (упоминается рассказ Сумнина "Обитель") участвуют в создании образа друга детства главного героя — друга, ушедшего в корысть.

Сумнин сразу в романе — маленький: главный герой — на Колыму, Алёшка — на удобный филфак. Его голова "сочетала художественное с экономическим", он быстро проявил себя как "законодатель неумёмого художественного зубоскальства", "в его присутствии всё окружающее мельчает, опресняется и лишается главного". Став писателем, Сумнин не сомневается в значимом, вполне подходящем для него принципе: "чем сильнее характер образа, тем слабее художник характером".

Впрочем, нет никакой силы образа или сюжета, есть активное и управляемое участие в литературном процессе, особенно в его премиальном векторе. Для этого надо укрепиться "в московских культурных и министерских кругах". И главное "Алёшкино творение" — "Земба" — полностью соответствует пипеточной демократии. Она позволяет автору подстраиваться под установленные горизонты ожидания, казаться православным и либеральным, реалистом и постмодернистом — сразу, активируя те или иные значения в зависимости от желаний аудитории. Не быть русским, а выгодно использовать те или иные мотивы русскости, создавать текстовое "кино", но не роман-жизнь.

Тарковский эту опасность плохой литературы расширяет в "Возвращении" до общенациональной, уже сверхлитературной беды, когда подмены, имитации и стилизации — не смешные детали культурных инициатив, а воплощение образа весьма подвижного врага. Враг вроде отказывается от эпоса, но построение антиэпоса решает боевые и совсем не русские задачи. Поэтому Тарковский так подробно рассказывает о "Зембе", опираясь на содержание романа Водолазкина "Лавр".

В декабре 2025 года Тарковский опубликовал статью "Культурная мягкость": о настоящей и поддельной литературе. Думаю, она может рассматриваться как важное сопровождение "Возвращения". Цитата будет большой:

"У нашей многовековой литературы есть три незбылемых признака, настолько явных и могучих, что порой бывает достаточно одного из них, чтобы определить родовую принадлежность произведения. Эти признаки: народность, религиозность и благородство интонации. Если следовать образу Троицы, то последнюю следует отметить особо — воистину, как Дух Святой витает она над страницами лучших произведений. Непостижимы подобные страницы и не поддаются подражанию: дело не в методе, а в чём-то глубоком, связанном с предельной честностью сердца.

...Есть ли что-либо подобное в произведениях тех авторов, которые сегодня на слуху? Конечно, нет. Как нет и задачи быть художником. Один из современных сочинителей, Рубанов, без конца употребляет слово "целать" книги. Навязчивое употребление этого оборота помогает обозначить важное качество современной литературы — её сделанность. Авторы делают тексты.

...Приблизительно из этой же серии, только поосновательнее, чешско-немецко-судетский вариант — тоже с унылыми персонажами, с каким-нибудь "помытым облезлым мужчиной с блёклыми

глазами" и его бесконечными философствованиями. Не верю, что, когда столько наболело внутри России, кто-то будет страдать за чехов или немцев, обиженных или не обиженных друг другом. Идеиную часть даже обсуждать не буду, там всё понятно — гнилая книга про гнилого героя, который, конечно же, гнилее автора. Но главное другое: опять пошлость вместо подлинности, опять выдуманные сопли на фоне настоящей крови, опять всё уже прожёванное и выплюнутое, какая-то книжно-типичская "задача интеллигента осмыслить" перестройку и историю... Опять осмысливать вместо того, чтобы действовать. Зато как же автор изосторожничался: чтобы и не прилетело, и международно-гуманистическое сообщество не отказало в приёме. Что же касается литературы как таковой, интонаций, языка — да слабо. ...И обязательно топорный символизм — герой символизирует Россию, а героиня Украину. Ах, как тонко! А главное — в ногу со временем. Ладно... Зато такие "Европейские дожди" на ладоны — какие есть. Честные. За что выдаются — так они и читаются.

...А имеются ведь более "искусные" опыты литературствования. Например, "Лавр" Водолазкина. Трижды брал приступом и под политическим давлением знакомых. Осаду снял. Искусственный язык. Замогильная интонация, призванная передать будто бы "средневековый" русский дух. Термин "средневековье", окутавший книгу. Ощущение притянутости: при слове "Средневековье" представляю Европу, а не русскую древность. Пошлейшее вкрапление старинных слов в повествование.

...И какие бы ни затевались дискуссии про жанр "жития", цель одна — перевести дело в

Вот слова о Нине из предсмертной книги Василия, который погибнет на расширяющейся Ниной, решившей перебраться в Москву. ...Есть люди, которые живут, а есть, которые собираются. Нина не имела дела жизни и не умела довольствоваться тем, что есть. ...В ней жило вечное требование смены стен, воздуха, неба. Она не существовала, а занималась обстановкой существования, перевешивала зеркала и картины с одного гвоздя на другой, садилась, вставала и передвигала стулья. В этом и состояла основная беда. Жена, не умеющая служить семье, — дело пустое. ...Как все люди её типа, она любила слова "современный" и "современность". ...Я крепко надеялся на дорогу, которая "нас сблизит" и заставит Нину "одуматься". Притом, что никакого уважения к ней у меня не оставалось: не выношу людей, бросающих Сибирь".

А вот и речь самой Нины: "Я не домохозяйка и не деревенская. Реализоваться в ведении очага и материнстве я могу полноценно без истерик только при одном условии — если мои амбиции в мире будут удовлетворены. Как личности, как профессионала, как творческой единицы".

Олёна, живущая в Москве сестра Игоря, входит в повествование как вторая Катя: нет веры, нет дела жизни, давит непрерывная обида на близких, постоянно включён телевизор. Её классические фразы: "Никогда меня не учи" и "Никакой иерархии нет". Сразу всё ясно с подругой брата Глеба: "Алёна оказалась хрупчайшей девушкой в чёрном костюме-чике. Чем-то она напоминала котёнка или уменьшенную Катю..."

Все они — Катя, Нина, Олёна, Алёна — похожи друг на друга. Тарковский видит и предьявля-

предназначении". "Знаешь... — задумчиво сказал Васька, который это понимал, — пошлойне, что, наверное... нечто противоположное душевному благодостью. А душевное благодостью... — Васькин голос дрогнул, — кроме врождённого чувства основы, предполагает стремление к высоте и чистоте. Так вот пошлость — это нечто ему жалко-противоположное. Поэтому всегда надо брать выше — с учётом... просадки... рессор. Читать только лучшие книги, пусть их на свете несколько десятков. Слушать лучшую музыку... Смотреть лучшие полотна... Брать всё, что подчёркивает пропась меж высотой... — и Васька наморщился в поисках слова".

Васька (не без закономерной реакции на жену Нину) уходит на СВО, там и принимает смерть. И тут надо вспомнить ещё одного героя по прозвищу "Чехов". Это сын того самого Ардальоныча, который балансировал между двумя образами — генерала Иволгина и писателя Олега Куваева. В Чехове (при всей симпатии, которую испытывает к нему Игорь) баланс серьёзно нарушается в сторону приближающейся гибели.

Филфак, структурная лингвистика, пиво — последнее начинает преобладать, потом и побеждать. "Он великолепно понимал оттенки, не было ему равных, когда касалось подделок, дурновкусы и передёргивания", — говорит о Чехове главный герой. Была аспирантура, работа на радио, качественный и ответственный ремонт квартиры. Написалась даже книжка про бабушку. Однако сил перестало хватать, алкоголизм начал наступать, квартира стала гореть, воля — пропадать, смерть — приближаться.

пользу. Когда начал приобщаться к вере, весь пост пил водку, но строжайше закусывал постным, привередничая в гостях и мучая хозяев".

С этой исповедальностью связано самое драматичное движение в "Возвращении". Герой требует от себя и других превращения повседневности в благой эпос, но сам находится в заметной невооружённым взглядом двойственной романности.

Бахметьев не справляется с истерическими претензиями жены, не может полноценно помочь матери в преодолении предсмертной суety, через воющий Донбасс проходит зрителем и литератором, даже в отношениях с мудрой и прекрасной Дашей (своей первой женой, по сути, обманутой) находится на вторых ролях.

Не знаю, как читают "Возвращение" другие, для меня ценность новой книги Тарковского — в двух авторских ударах. Первый проще — по дурной литературе и дурной женщине. Сложнее — с ударом вторым: по дурному в самом себе, и здесь эпическое ясное отношение к литпроцессу или, например, к Кате становится более дискуссионным и парадоксальным.

Дело не только в христианском покаянии и тем более не в рефлексии творческого человека. Проблема — в пробивающемся вопросе: как быть с литературой и собственной жизнью, чтобы победить? Просто вернуться в Магадан? Оставить Катю ради когда-то оставленной Даши? Укрыться в стихах, занимающих в "Возвращении" значительное место? Отправиться на фронт? Сделать себя участником московского литературно-премиального процесса?

Пора вернуться к вопросу: как усмирить поддельную литературу? И вместе с ним, как следствие: что противопоставить искусственной жизни? Какие ответы нахожу в самом тексте?

Создать сюжет, в котором успешные субъекты литпроцесса станут фигурами сатиры, доходящей до фарса.

Не уставать напоминать, что дидактика дурной литературы пребывает в полном согласии с эгоизмом плохих людей.

О «Возвращении» Михаила Тарковского

М.А. Тарковский в посёлке Бахта, Красноярский край

ет нам некую единую женственность, которая свидетельствует о русском кризисе никак не меньше, чем о нём сигналил новейшая литература. Женщина эта не способна любить мужа всем сердцем, материнство воспринимает как восторженную обязанность, мечтает покинуть Север ради красочной столичной суety, погружена в нервное себялюбие, не может добраться до Церкви, зашклена на деньгах и собственности, требует от спутника какой-то дополнительной свободы, способна писать броские или бездарные стихи, склонна к истерикам и депрессиям.

Русская женщина на пике своего яркого вырождения — огромная проблема. Я согласен с Тарковским, что здесь — один из национальных узлов. Но я должен предупредить писателя: если на его книгу начнётся атака, она стартует именно из этой области, где жёны и сёстры словно вмещаются в один тяжкий грех.

Образуют ли главные мужчины "Возвращения" систему двойников? Здесь важен Вася, старший друг Бахметьева, тоже писатель, тоже житель Колымы, в конфронтации с Москвой и женой: "Васька был из тех крестьянских детей, что, воспитанные на Пушкине и Толстом и spolна напитав высокой основой, взрастали в себе такую красоту и тонкость души, что ей впро было завидовать иным потомкам дворянских родов".

Друг Игоря ещё настоячнее в поиске совершенства: "...Обилие девушек, строчащих нечто стихообразное, превысило все... хе-хе... ёмкости литературы... Пишут о чём угодно, ища повод уйти от того, что для женщины самое главное. Самое сокровенное. Книга — это исповедь о сокровенном, то есть о

Игоря Бахметьев — между: справа — отдавший жизнь Васька, слева — опускающийся Чехов, позади — друг матери Ардальоныч, где-то внизу болтается совсем непутёвый брат Глебчик. Игорь от Глебчика ушёл, Чеховым не стал, до Васьки не добрался. Можно ли сказать так, как я сейчас написал? Или всё сложнее?

ДУМАЮ, понятно, как Игорь относится к литературе и женщинам. И это не второстепенные характеристики. Ещё один штрих — в прямой речи Бахметьева: "Катя с Васюшкой заснули, и я остался один на один с главным делом моей жизни — с Колымой. ...Ничего красивее Колымской трассы я не видел".

Дорога, северные пустыни, небо и лес, случайные люди на трассе и запланированные друзья на пути — это главное. Это выше Москвы, сильнее быта, любимее жены. Север, Сибирь, Колыма и литература — это в книге Бог, образ Его присутствия в романе, который романом не хочет быть.

"Возвращение" — ещё и исповедь. Может быть, в первую очередь исповедь, но с эпической атакой на то, что должно быть побеждено: "Что такое семья и каково быть главой, я начал понимать глубоко за тридцать лет, а до этого пребывал в некоем очаровательно мечтательном раскладе. ...Упоение колымскими даями, поэзией и музыкой наполнило меня настолько, что я полностью отождествлял себя с этими материалами, и поэтому никак не мог быть ни безответственным негодяем, ни нарушителем слова, а только лишь прекрасным и возвышенным непонятно кем, подающим большие надежды. ...Образован я был хорошо, но как-то в свою

Перенести пространственный центр из столичных залов и кабинетов в суровые колымские просторы.

Отказаться от лихой фантазийности и писать только так, словно совершенство героя зависит от силы твоей собственной жизни.

Не бояться войны (ни внешней, ни внутренней), потому что лишь в этой встрече с катастрофой можно опосроть модный, премиальный апокриф о Христе, больше похожем на доктора Живаго.

Универсальной интеллигентности не стесняться противопоставлять аристократическую народность, которая видится мне ключевой (имеющей отношение к нашему спасению) интуицией "Возвращения".

И ещё, последнее — совсем спорное, исключительно от себя. Всё, происходящее с Игорем Бахметьевым, есть подготовка к главному поступку самого автора — к созданию книги. Он состоялся. Но для того, чтобы эпическая словесность Михаила Тарковского по-настоящему усмирила облегчённую литературу его противников, надо будет ещё сложнее воплотиться в сюжете, ещё бесстрашнее пойти на встречу с самостоятельной фабулой и как бы отдельной от тебя судьбой. Уровень языка и художественного сознания в "Тойоте-Кресте" и "Возвращении" так высок, что усиление самостоятельной истории, сверхбиографического эпоса может иметь для победы решающее значение.

"Я не гною с первых вёрст ни в книгах, ни в жизни, еду потихоньку, давая машине откынуть от стояла и не комкая таинство рождения дороги", — сообщает главный герой "Возвращения". Возможно, надо будет увеличить скорость.

Алексей ТАТАРИНОВ

С М О Т Р И Т Е Л Е К А Н А Л «Д Е Н Ъ»

«МЫ ПОДАРИМ МИРУ БУДУЩЕЕ»

ВС РФ ДВИГАЮТСЯ ЛУЧШЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО

КАК ДОСТИЧЬ ИДЕАЛА

ПЛЕСЕНЬ В КАНАХ И ИЗРАИЛЬСКИЕ УШИ «МИНОТАВРА»

РОССИЯ И КАЗАХСТАН ВЫСТРАИВАЮТ СВЯЗИ НА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

ПСИНАЯ ТРЯСКА

УГОЛЬ: БОЛЬШЕ ЧЕМ ТОПЛИВО